

С. А. Лопатко, П. В. Иванов

Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антрозоологической методологии, изучая релокантов

Софья Алексеевна Лопатко — студентка 4-го курса бакалавриата Факультета исторических и политических наук, кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета. **Адрес:** Томск, пр. Ленина, д. 36. **Электронная почта:** danawourd@gmail.com. **ORCID:** 0009-0001-9542-285X.

Пётр Вадимович Иванов — старший преподаватель кафедры территориального развития имени В.Л. Глазычева Факультета дизайна и медиакоммуникаций РАНХиГС. **Адрес:** Москва пр. Вернадского, д. 82. **Электронная почта:** petrvaдимovichivanov@gmail.com. **ORCID:** 0009-0005-8581-7072.

Аннотация: Статья представляет собой рефлексивный отчёт о поисковом антрозоологическом исследовании, посвящённом релокации россиян с домашними питомцами после февраля 2022 года. Авторы ставят под сомнение не только эмпирические результаты, но и саму возможность проведения такого исследования в заявленной оптике. На основе 26 биографических интервью с релокантами, переехавшими преимущественно в Сербию, Германию, Армению, а также в другие страны, авторы приходят к неожиданному выводу: вопреки изначальным ожиданиям, процедура перевозки животных не обнаруживает системных бюрократических сбоев, а питомец не играет значимой роли в социальной интеграции мигрантов, поскольку большинство релокантов не стремятся к интеграции в принимающее общество, предпочитая оставаться в русскоязычной диаспоре. Основной массив эмпирических наблюдений сводится к анекдотическим случаям — от видовой дискриминации на рынке арендного жилья до страхов перед европейской ветеринарией. В двух рефлексивных эссе авторы анализируют причины методологической неудачи: ошибочный фокус на отношениях человека и бюрократии вместо отношений человека и животного, игнорирование агентности питомца, предвзятость выборки и влияние академических инфраструктур, подталкивающих к поиску сенсаций. В итоге статья превращается не в отчёт об исследовании, а в самоанализ границ антрозоологической методологии и критику конференционной культуры, которая предопределяет исследовательские ожидания. Авторы приходят к выводу, что отсутствие «сенсации» само по себе и реакция на это становится значимым результатом, побуждающим к пересмотру исследовательских установок.

Ключевые слова: антрозоология, релокация, домашние питомцы, миграция, методология

Для цитирования: Лопатко, С.А., Иванов, П.В. Исследование 404: что мы узнали о себе, науке и антрозоологической методологии, изучая релокантов // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 115–133.

Введение

С относительно недавних пор мы принимаем участие во встречах Academic cat think tank — группы исследователей антропологов, бихевиористов, ветеринаров и прочих специалистов, изучающих котов. Оттуда мы узнали про готовящийся в Барселоне онлайн-конгресс по антропологии, и, конечно, загорелись желанием поучаствовать. Мы обсуждали в чате различные темы, которые могли бы быть интересны на международном уровне: наше предыдущее исследование было посвящено котовладению и отношению владельцев кошек к смерти питомца. Мы сочли, что тема исчерпана и нужно двигаться дальше. Обсуждалось многое — социальное конструирование нормативного отношения к питомцу в практиках пэтнянь, питомцы и медицина, общественные животные на заводах, но в итоге мы зацепились за тему релокации с питомцами. Был ажиотаж интересной, «горячей», многомерной темы, которая, как предполагалось, должна вывести нас на продуктивные сценарии научного анализа. Постановка исследовательского вопроса была довольно общей — как устроена релокация с питомцами и помогают или мешают животные социальной интеграции на новом месте. Мы решили выйти из зоны комфорта, расширить видовые рамки и опросить не только котовладельцев, но также собаководовладельцев и владельцев нескольких питомцев. Тем не менее, после выхода в поле и нескольких сессий обсуждения мы осознали, что не получили достаточно интересных выводов. Данный текст излагает некоторые заключения, к которым мы всё же пришли, а также пытается ответить на вопрос: почему же исследования не случилось?

В качестве эксперимента, мы позволим себе отойти от стандартного формата «научной статьи». Структура работы будет следующей: в части «Методология» мы расскажем, как проводилось исследование, в «Эссе 1» и «Эссе 2» представим авторскую рефлексия в свободной форме, часть «Итоги поля» будет содержать те немногочисленные эмпирические наблюдения, которые нам удалось сделать, а в «Выводах» подведём итоги.

Методология.

Как мы проводили исследование релокации с питомцами?

В соответствии с исследовательским вопросом был разработан гайд для биографических интервью. Изначально планировалось, что это — скорее гайд для полужформализованных интервью, подразумевающих большое количество вопросов, возникающих в процессе, но практи-

ка показала, что гайд был достаточно детальным, чтобы счесть некоторые из наших интервью формализованными. Это сделало поле довольно комфортным и быстрым. Для нас было нормальным проводить в день до четырёх интервью по видеоконференцсвязи. Каждое из них занимало от 40 минут до часа, хотя в массиве есть аномалии с большим или меньшим временем проведения. Так, например, самое короткое интервью заняло 30 минут, потому как собеседник был предельно конкретным в своих ответах, а его опыт оказался легко формализуемым в рамках беседы. В ходе интервью собеседники зачастую демонстрировали нам своих питомцев, что прибавляло процессу интервьюирования шарма и веселья. В целом сам процесс реализации поля был наполнен позитивными эмоциями и ощущением приятного сближения с информантами за счёт разговора об общих интересах (оба автора исследования также имеют домашних питомцев).

Рекрутинг информантов изначально планировался мультимедальным. Первые интервью мы взяли у своих знакомых релокантов с питомцами, и через них планировали выйти на сообщества релокантов-питомцевладельцев. Также мы обнаружили огромный телеграм-чат «Релокация с питомцами» и планировали сделать в нём объявление о поиске информантов: знакомые релоканты не особо помогли нам в их поиске, т. к. оказались вне активных сообществ релокантов-питомцевладельцев. Администраторы чата «Релокация с питомцами» отказали нам в публикации объявления, заподозрив в том, что это может быть реклама. Несмотря на всю задействованную нами харизму и талант убеждения, они остались на своей позиции, и нам пришлось признать своё поражение. Поэтому было принято решение сделать публикацию в телеграм-канале Петра Иванова «Урбанизм как смысл жизни». Учитывая, что в канале больше 10 000 подписчиков, шанс того, что среди них окажутся релоканты с питомцами или друзья релокантов с питомцами, был ненулевой. Наши ожидания оправдались — в личные сообщения писали десятки релокантов, готовых поделиться своим опытом. Всего мы собрали 26 интервью, но потенциально могли и больше — откликов было порядка 40, а обещаний рекрутировать знакомого вдобавок к этому ещё около 20. В основном откликались релоканты, переезжавшие с кошками, но собаководы тоже представлены в выборке. В целом это отражает факт того, что россияне склонны содержать скорее кошек [ВЦИОМ, 2025], а также с некоторой вероятностью факт того, что идея релоцироваться с кошкой воспринимается проще, нежели идея релоцироваться с собакой, однако эта гипотеза требует дополнительных исследований. Среди информантов преобладали женщины старше 30-ти лет, однако фигурировали и женщины более старшего или младшего возраста, а также мужчины. Некоторые интервью давали пары, что также косвенно указывает на то, что «питомцевладение» — это коллективная семейная практика и партнёрам интересно рефлексировать её

совместно. Учитывая нативность и неконтролируемость распространения поста, получилось что-то типа «сарафанного радио» среди релокантов. Прошедшие интервью рекомендовали нас своим друзьям внутри релокантских сообществ, но происходило это неравномерно по разным странам, в связи с чем большинство выборки составили релоканты в Сербию. Возможно, это связано с тем, что там есть наиболее активные сообщества питомцевладельцев, или же с тем, что нам повезло достичь обладателей высокого социального капитала в таких сообществах, в то время как в сообществах в других странах — не повезло. Этот факт стал основой идеи ремонта выборки, когда мы анализировали массив данных и пробовали под разным углом на него посмотреть: одним из предложений было сужение исследования до изучения релокантов в Сербию. Разумеется, учитывая нашу стратегию рекрутинга, мы не могли контролировать такие вещи, как род занятости наших информантов и иные социально-демографические характеристики: так вышло, что большинство наших собеседников характеризовались удалённым родом занятости и работой преимущественно на российский или международные рынки. Редкие информанты строили свой трудовой путь с нуля на новом месте. Впрочем, встречались и пивотальные ситуации, когда информанты меняли род занятий с оппозиционной журналистики на пэтняньство (уход за животными на время отсутствия хозяев).

Из чего состоял гайд интервью? Нас интересовало то, каков статус питомца в домохозяйстве был до переезда: был ли он домашним животным, вещью, партнёром, субъектом контракта. Какова была занятость информанта до переезда, где информант жил, уровень его образования, общая биография питомца и его хозяина. Мы посчитали, что эти параметры станут независимыми переменными, которые будут так или иначе детерминировать остальной нарратив и событийный ряд. Далее мы спрашивали о причинах релокации, был ли переезд спонтанным или запланированным, с целью понять пул ценностей информанта, который привёл к переезду. Отдельное внимание мы уделяли вопросу релокации в одиночку или с семьей, потому как из пилотных интервью стало понятно, что нередко случалось, когда один из членов семьи либо вынужденно, либо запланированно первым переезжает в новую страну «на разведку», а в это время второй член семьи (чаще всего женщина) делает все необходимые для перевозки питомца документы и приезжает уже после. Затем мы задавали вопросы о непосредственно релокации с питомцем: есть ли у питомца особенности ухода и здоровья, что он ест, как был устроен процесс узнавания о правилах релокации с питомцами в зависимости от страны, как проходило оформление нужных документов, как осуществлялась непосредственно перевозка. Так, мы ожидали встретить «поломки» бюрократической системы, которые нашим участникам исследования необходимо было бы «чинить». Наконец, в финальном

блоке вопросов мы спрашивали о том, как устроена жизнь с питомцем на новом месте: было ли сложно искать жилье, как проходила адаптация на новом месте на уровне инфраструктур (организация питания, ухода, ветеринария). Отдельно спрашивали о том, как соседи относятся к питомцевладельцу и помогает или мешает питомец в социализации на новом месте. На поверхности лежало предположение о том, что мы будем наблюдать большую интеграцию собаководовладельцев на новом месте, но тем не менее кошки тоже будут способствовать вливанию в новый коллектив за счёт дофаминового прилива от счастья наблюдать каждый день пушистика, который тебя безусловно любит, в отличие от, например, дочери-подростка.

В целом наше исследование стоит охарактеризовать как поисковое. Мы не занимались детальной теоретической проработкой нашего методологического аппарата, положившись на факт, что то, что мы изучаем, интересно на интуитивном уровне, а исследование должно подтверждать интуицию. Тем не менее, мы уделили много внимания моделированию социальной ситуации релокации с питомцем, что привело нас к рабочему и фактически исчерпывающему опросному инструменту, что безусловно является сильной стороной методологии нашей работы. О проблемах и слабых сторонах работы читайте далее в наших рефлексивных эссе.

Эссе 1.

Как мы открыли ничего: опыт антрозоологического исследования, которое не вышло таковым (Пётр Иванов)

Роберт Эзра Парк, один из ключевых мыслителей Чикагской школы, давая определение социологии, говорил, что это супержурналистика [Park, 1929]. Что бы это ни значило, но тем не менее, если пытаться филологически разматывать этот тезис, то как будто бы речь идёт об онтологическом родстве журналистики и социальных наук. А, стало быть, где-то здесь должна прослеживаться общность метода. Не сказал бы, что заходя в исследование питомцев и релокации мы осознанно руководствовались этим тейком, но ретроспективно как будто бы мы действовали именно в этой парадигме. Перебирая различные идеи для исследования, с которым хотелось бы податься на антрозоологический конгресс в Барселоне, мы уцепились за тему, которая звучала наиболее увлекательно именно в житейском смысле — релокация с питомцами. Ведь как будто бы одно дело просто переехать в другую страну, а совсем другое дело перевезти пушистика. Моему

воображению рисовались некогерентные и плохо работающие бюрократические машины, ремонт сломанной коммуникации, ухищрения, на которые идут люди, чтобы реализовать казалось бы простой процесс, мёртоновская дисфункция бюрократии в полный рост [Merton, 1957, p. 195–206]! В общем, назревало нечто увлекательное на стыке социологии права [Панеях, 2014] и антрозоологии.

А процесс на самом деле оказался простым. Если отбросить все тонкости, то получается так: человеку в случае с релокацией с питомцем нужно узнать в интернете правила перевозки питомца, выполнить эти правила (чипирование, прививки, титры) и перелететь в новую страну. И, собственно, наши собеседники в точности следовали этой процедуре. Никаких особых проблем ни у кого не возникало. У кого-то котик плохо переносил перелёт и стрессовал. Кто-то отказывался от перевозки котика по причине его старости. Кто-то вёз алабая через границу на автомобиле, потому что алабай слишком большой для перевозки самолётом. Но это всё анекдотические отклонения от универсальной процедуры, про которую мы выяснили, что она выполняется просто.

У нас была гипотеза о том, что питомец так или иначе способствует или препятствует интеграции на новом месте. Но в процессе исследования выяснилось довольно мало интересного на этот счёт. Есть, конечно, один случай, когда пара релокантов завлекает своих визави к себе в гости под предлогом показать очень красивого кота, а потом предлагает вино и настольные игры, так они заводят друзей. Ну или история про то, что одна женщина переехала в Италию с котом и соседи её шеймят за то, что она своего кота на улицу не выпускает. Или ещё одна информантка столкнулась в Швеции с тем, что в объявлениях об аренде указывают точное количество и видовой состав питомцев и в квартиру в объявлении о которой написано «1 кошка и 1 собака» с двумя кошками заехать нельзя. Но в целом история с перевозом кошек, будь их хоть две, хоть двенадцать, это история про то, что релокант как особо не общался с другими людьми через своё животное, так и не общается. Был ещё случай, когда у релокантов котик сбежал и его искали всем районом, но ни к каким существенным изменениям в процессе их интеграции это не привело. Собаководельцы, предсказуемо, чуть лучше интегрируются за счёт общения с другими собаководельцами на прогулке, но к чему-то пивотальному это не приводит. Просто чуть больше языковой практики.

Отдельно хочется заметить, что мы как будто бы ошиблись в самой постановке вопроса. Мы почему-то решили, что релоканты обязательно хотят интегрироваться. Да ещё и животных сюда приплели. Но выясняется, что наши собеседники по большому счёту не заинтересованы в социальной интеграции. Да, им важно получить вид на жительство, гражданство, разрешение на работу. Но вовсе не для того, чтобы взаимодействовать с гражданами принимающей

страны. Они сидят в релокантских чатах, дружат с другими релокантами, пользуются релокантскими сервисами и создают сервисы для релокантов (пэтняня, ветеринарные услуги), наконец работают либо на российский рынок либо на международный, для чего в сущности можно находиться в любой точке мира. И в целом им нормально. Причём так живут как релоканты, которые планируют однажды вернуться в Россию, так и релоканты, которые поставили крест на возвращении. И питомцы тут по большому счёту не причём. Они никак не влияют на интеграцию релокантов за неимением у них потребности в таковой. Что, впрочем, частично подтверждается исследованиями релокантов в Армении [Melkumyan, 2025], в котором речь идёт о том, что релоканты худо-бедно интегрируются экономически, но социально и культурно остаются сегрегированной новой российской диаспорой. И питомцы тут как будто бы не причём, т. к. никак не влияют на экономическую интеграцию.

Вообще, конечно, есть ощущение, что нужно было внимательнее отнестись к моделированию социальной ситуации релокации с питомцами. В том числе к агентности питомца в этой социальной ситуации. Потому что как будто бы роль питомца в релокации скромная. Колин Джеролмак в своём манифесте “Towards a Sociology of Nature” [Jerolmack, 2012] писал о том, что мы должны вводить в социологические модели природные факты там, где они играют значимую роль. Однако в случае с релокацией с питомцами мы этого не обнаружили. Это попросту самоходный багаж с особыми условиями перевозки. В наших полевом материале есть весёлые истории про то, как некоторых питомцев «приходилось худеть» (вообще без всякой субъектности, страдательный залог) для того, чтобы выполнить норму в 8 килограмм для перевозки в салоне самолёта. Но и тут какой-то агентности нет. Питомца прививают, чипируют, худеют, засовывают в переноску, везут. Сам он ничего не делает. На новом месте питомец — объект элементарных инфраструктур. Кормление питомца не проблема — обычно привычные корма транснациональных производителей есть везде. Подобрать замену необычному корму — тоже не проблема. Ветеринарные услуги, пожалуй, могут отличаться в сторону того, что в некоторых странах не совсем понимают зачем лечить питомцев в принципе (помрёт — возьмёте другого, что за проблема) или лечить возрастных питомцев (для ветеринаров в Сербии неочевидно, зачем лечить кошку 16 лет, в то время, как российские ветеринары готовы браться за её лечение). Но повторяюсь, это всё вообще не про агентность животного. Корм ему насыпают, в ветеринарку относят, лекарства колят. Где здесь живой питомец непонятно. Как будто бы мы можем без особых потерь в этом сценарии заменить питомца на пианино. Перевозить сложно, имеет особые условия на новом месте — микроклимат в квартире, услуги настройщика. Но мы не фортепиантропологи, мы такое не изучаем.

В голове вертится спасительная мысль, что быть может мы что-то узнали про релокантов. Бог с ней с антрозоологией, может хоть в исследования миграции какой-то вклад внесли. Дескать потому мы ничего интересного и не узнали про перевоз питомцев, что релоканты — это люди, наделённые высокой ценностью формального исполнения правил. Но для того, чтобы эту идею проверить надо бы проводить какое-то дополнительное и желательно компаративное исследование. Только вот вообще не в контексте антрозоологии. А хотелось бы всё-таки пушистиков изучать.

Мы узнали много анекдотов, посмотрели много котиков и собак по видео и на фотографиях. Досконально узнали как перевозить питомцев в другие страны. Знаем, что собаководы-релоканты в Сербии общаются в своём чате строго по делу, а котовладельцы-релоканты бесконечно спаят друг другу фотографии в духе «смотрите как мой кот интересно лежит». Выяснили, что в Германии муниципалитеты рекомендуют в случае если у вас есть один кот — завести второго. А также что Сербия, Армения и Грузия это страны, в которых очень любят и ценят общественных собак, а к кошкам скорее равнодушны и не очень понимают зачем их держать дома. В сто первый раз узнали, что россияне считают питомцев членами семьи¹. Но исследования из этого не сложилось. Это был увлекательный заплыв по житейским историям, который ничем науку не обогатил. Для проведения исследования в антрозоологическом зале [Gherghel, 2023] нам нужно было бы поставить вопрос, лежащий в плоскости HAS (human-animal studies), изучать отношения и связи между релокантами и питомцами, а мы по сути дела изучали отношения релокантов с бюрократическим аппаратом, полностью потеряв животных в процессе. И не обнаружили в отношениях с бюрократией ничего интересного. Система работает, люди исправно выполняют её протоколы и приходят к ожидаемому результату взаимодействия. Никакой драмы, никаких поломок, никакого напряжения.

Запомним этот опыт на будущее и будем тщательнее подходить к научной постановке исследовательского вопроса. И не будем забывать про агентность пушистых в социальных ситуациях.

PS. А еще я думаю об ошибке выборки. Мы же общались только с теми, кто перевёз своего питомца. А с теми, кто оставил в России — не поговорили. Возможно тут возник бы ценный сравнительный материал, но мы его упустили.

¹ Об этом мы писали в статье по результатам предыдущего исследования, которая сейчас находится на рассмотрении в редакции одного научного журнала. Практически все наши информанты называли питомцев членами своей семьи. В текущем исследовании наблюдается аналогичная картина.

Эссе 2.

Фарисейская закуска научных конференций (Софья Лопатко)

Социальные науки прошли долгий путь от фиксации исследователями бросающихся в глаза аномалий и всего «необычного» до внимательного и бережного отношения к рутинам. На смену захватывающим дух описаниям пёстрых ритуалов и ужасающих трагедий пришли монографии, анализирующие, на первый взгляд, нудные учётные книги и непримечательные действия рабочих. Однако смену фокуса не стоит путать со стремлением вдруг буднично фиксировать прописные истины: в каждой работе, посвящённой повседневности (если она, конечно, хорошо написана), социолог или антрополог обязательно приходит к необычному выводу, небанальному взгляду на банальное, скрытым практикам, потайным смыслом.

Тем печальнее браться за на первый взгляд острую, живую и актуальную тему, с азартом поглощать литературу, в запале выходить в поле... и возвращаться из него с пустыми руками. Так и случилось с нами, когда мы взялись за тему релокации людей с питомцами. Начало благоволило — несмотря на смутную тревогу от отсутствия чётко поставленного исследовательского вопроса, вдохновляло количество респондентов, их необычные биографии. Переезд в Германию с двенадцатью кошками! Гигантский алабай, с которым нужно пересечь грузинскую границу! Релокация в Европу с лошадью! Чудеса, да и только. Как из этого может не родиться гениальный текст?

Но текст упорно не рождался. Само по себе неналичие исследовательского вопроса поначалу не сильно беспокоило: это не помешало прийти к хоть сколько-то интересным выводам в наших предыдущих работах. Достаточно часто на ответы наводит само поле, случайно подвернувшаяся под руку статья с нулём цитирований, заштатный разговор с коллегой под бразильский фильтр-кофе. Однако время шло, а ни одной гипотезы так и не появлялось. Любой намёк на необычность и небанальность тонул в бездне осознания того, насколько рутинна и незамысловата вся та деятельность, которую мы изучали. Картина миграции с животными оказалась проста до неприличия: будущий релокант принимал решение о переезде, читал в интернете правила перевозки животных, исполнял их... и не сталкивался на своём пути ни с одной «нескучной» проблемой. Двенадцать кошек могут уехать в Германию так же легко, как и одна, только в две партии. Документы оформляются за несколько дней, а где-то их даже не смотрят. Если в стране переезда нет редкого медицинского корма, ему с лёгкостью находят аналоги. Кажется, впервые в истории исследовании российских легальных норм мы нашли такие, которым следуют неукоснительно все участники правовых отношений. Латур как-то

упрекнул социологов в том, что те ищут жёсткие законы и морали, которые скрепляли бы общество, но находят они лишь подвижные нормы и мягких людей [Latour 1992, p. 227]. Что ж, кажется, с мэтром можно заочно поспорить: российские релоканты оказались удивительно хороши в следовании жёстким законам.

Однако отрицательный результат остаётся результатом и талантливый учёный способен подтолкнуть к, быть может, более продуктивной рефлексии, чем та, к которой он шёл изначально. Не знаю, насколько я талантливый учёный, но могу попробовать поразмышлять над тем, что привело к неудаче.

Прежде всего — исследовательская предвзятость. Как добрые русские люди, мы вышли в поле с полным ожиданием встретить тотальный правовой нигилизм и серые схемы провоза пушистиков. Это же ожидание привело к мощнейшему разочарованию: оказывается, люди действительно выполняют требования государств и перевозчиков, без вопросов и кривых схем.

Далее я бы предположила ряд методологических ошибок. Мы заранее составили и согласовали гайд будущих интервью, однако, возможно, стоило бы провести его корректировку после нескольких взятых интервью, ведь составлялся он без чёткого исследовательского вопроса, а потому нельзя было чётко выделить задачи, которым он мог бы служить. Тем не менее, оглядываясь назад, я не могу сказать, насколько бы это спасло ситуацию.

Интервью хоть и позволяет собрать насыщенные, пестрящие подробностями данные, не является идеальным методом, особенно в контексте учёта животных: оно представляет лишь один взгляд на произошедшую миграцию, ещё и в ретроспективе. Сам питомец рискует стать лишь пушистой сумкой в чужом рассказе о переезде.

Следующий пункт, ставший возможной причиной неудачи — отсутствие чётко обозначенной выборки. Мы опрашивали всех, кто откликнулся на несложное резюме — переехали из России в другую страну с питомцем. Была попытка сузить выборку до релокантов в Сербию, однако она качественно не сказалась на результатах и не помогла анализу. Писать обо всех — верный способ написать ни о ком.

Наконец, наша неопытность. Социальные исследования животных чудовищно недопредставлены в российской науке, а в мировой существуют разрозненно, без общей методологической и теоретической базы. С одной стороны, это потрясающая возможность стать новатором и провести свет в зооантропологическую будку. С другой — это требует опыта, начитанности, удачи и исследовательской интуиции, которые в этот раз оказались не на нашей стороне. Возможно, более опытные коллеги с более глубоким представлением об исследованиях животных смогли бы превратить нашу интуицию в новое знание.

Однако чего я всё о нас да о нас? Давайте, пока не остыло, дадим по шапке кому-нибудь ещё. Сегодня под раздачей — устройство науки.

Мой до аскетизма скромный опыт пребывания в лоне академии, тем не менее, успел приучить меня к определённом подходу к исследовательской работе. Самый обидный комментарий после выступления — а почему нам должно быть интересно это слушать? Крупные работы, вроде курсовых и дипломов, могут быть посвящены безопасным и неэкстремальным темам — зачастую груз ответственности пересиливает тягу к небанальному. Однако формат конференций существует не для скучных конформистов, получающих корочку для мамы и папы. Конференции — для тех, кто хочет рискнуть и влиться в лигу низкооплачиваемых умников-стахановцев. Туда идут с темами, которые будут выделяться в программках и постах-анонсах в социальных сетях.

Такой подход во многом предопределил то, как мы видим материал, и то, с чем заходим в поле. Как любые социальные исследователи, мы ужасно завидуем журналистам (хоть и не меньше презираем их поверхностный подход): нам хочется обладать их скоростью, присваивать себе сенсации, но так как мы, учёные, люди высокомерные и тщеславные, мы хотим делать это ещё лучше. Журналисты пишут о необычных явлениях, и мы хотим! Журналист написал о релокации? Хах! Жаль, что его узколобие помешало ему разглядеть сложнейшее переплетение актор-сетей! Воистину, «берегитесь закваски фарисейской» [Лк. 12:1].

Но сложнейшего переплетения актор-сетей не случилось, и нарциссичный вундеркинд, коими нас воспитывают институты производства научного знания, переживает сильнейшее сокрушение собственного эго. Почему же мне не хватило интуиции, ума, начитанности? Неужели я зря трачу время на штудирование англоязычных журналов? Неужели я не особенный, а мои тексты не разделят антропологию на «до» и «после»?

Происходит противоестественный сбой. Полевой этап исследования, в сущности, прошёл прекрасно: мы все получили удовольствие, посмотрели на котов, наслушались анекдотов. Есть даже какой-никакой вывод: нормы есть, они работают хорошо, существует потребность в совершенствовании методологии. Казалось бы, сиди себе да радуйся, что хоть где-то миграционные процессы не омрачены бессмысленной волокитой и жестокостью. Но почему же мы так несчастны? Почему же нас так волнует отсутствие сенсации? Ведь антропология уже прошла этот этап, теперь нам интересно про повседневности. Разве нет? Видимо, нет.

Разумеется, наша неудача — наша проблема, и всему научному миру не вины за это не вменишь, хоть он в какой-то степени и предопределил то, что так случилось. Однако, быть может, это было необходимо как нам для осознания собственной исследовательской парадигмы, так и исследовательскому сообществу — для рефлексии границ собственного влияния и того, как существующие инфраструктуры (например, конференции) предопределяют формат мышления тех, кто в них задействован.

Если по какой-то причине вы дочитали этот саморазоблачающий и невероятно саможесточливый поток мысли, вы заслуживаете хороший, остроумный, полный надежды и приободрения емкий итог. Не буду вам в этом отказывать. Одна неудача — лишь повод остановиться, подумать и вернуться в сферу с новыми силами и новым представлением о том, как делать надо, а как — не надо. Главное — это друзья, которых мы нашли по пути и фотографии котов, которые мы получили после интервью.

Итоги поля: зумеры придумали дофаминовые интервью

Если вы в своей жизни сталкивались с методом интервью, то знаете: это сложно и зачастую неблагоприятно. Часто из собеседника не вытащить ни слова, кроме «да», «нет» и «не задумывался», ещё чаще — его невозможно удержать от изложения каждой шальной мысли, как бы далеко от темы она ни была. Впрочем, хорошее интервью, даже если оно выматывает, всегда оставляет после себя чувство эйфории и подъёма, желание писать бесконечно, восторг от подтверждения исследовательской интуиции словами информанта или восхищение тем, сколь многое от нас скрывала реальность.

Тем не менее, интервью, которые брали мы в рамках этого исследования представляли из себя час радости и счастья, но оставляли после себя скорее замешательство. Писать после них не хотелось, максимум — почесать кота за ушком. Инсайта не случилось, и если вы ждёте от этого текста тайн за семью печатями, то их здесь не будет. Будет лишь несколько анекдотов и забавных банальностей.

Самый сильный и повторяющийся нарратив — это полное отсутствие сомнений в необходимости забрать животное. Ни один из собеседников не рассматривал вариант «бросить» питомца. Это — некий моральный императив, сравниваемый с предательством или отказом от члена семьи.

«...это предательство. Предательство существа, которое тебе доверилось, тебя полюбило, а ты его бросаешь. Как вообще такое возможно? Я бы себя, наверное, не уважал после этого». [Полевой материал авторов, интервью 1.]

Интересный нюанс: в некоторых случаях, когда объективные обстоятельства (здоровье животного осложняло логистику) вынуждали оставить питомца, это переживалось как тяжелая травма, но решение объяснялось заботой о самом животном, а не собственным удобством.

«Кошку мы не брали, потому что ей было 11 лет, у неё была почечная недостаточность, и нам врачи уже до этого сказали, что она чуть-чуть проживёт и помрет скоро, но она как бы пережила все их прогнозы, но мы понимали, что она не перенесёт перелет, а собаку убрали сразу с собой» [Полевой материал авторов, интервью 12].

Питомец в эмиграции однозначно выполняет функцию психологического якоря и антидепрессанта. Он дает ощущение дома, стабильности и предсказуемости в хаосе переезда.

«...котечка была такой штукой, которая означала, что ты дома. Это очень заземляет и очень помогает. Потому что когда у тебя земли под ногами нет, и ты как бы как тонешь... получается, что котик тебя заземляет» [Полевой материал авторов, интервью 26].

Отношение к животным при аренде жилья сильно зависит от страны и вида питомца. Сербия и Армения оставили после себя впечатление собаколюбивых стран, не понимающих, зачем держать вообще кошек.

«Армяне вообще очень не хотят сдавать квартиру людям с котом... если бы была собака, армяне обожают собак... а котиков они что-то как-то любят поменьше» [Полевой материал авторов, интервью 9].

«Нет, то есть здесь, в принципе, за счёт того, что у многих есть собаки в семьях у сербов, достаточно адекватно и спокойно реагируют <...>. То есть у нас, мы когда смотрели квартиру текущую, в которой мы живём, мы прямо на смотрины пришли вместе с собакой, то есть мы предупредили заранее, мы скидывали фотографии, мы пришли вместе с собакой, они посмотрели на собаку, как бы и всё» [Полевой материал авторов, интервью 25].

Германия — скорее кошколюбивая страна:

«...с котиками жить проще, то есть проще найти квартиру в Германии с котиками. Владельцам собак сложнее, потому что какие-то есть специальные регуляции именно на собак» [Полевой материал авторов, интервью 14].

Великобритания, в своих добрых традициях, усложнила жизнь всем, предоставив возможность решить проблему за дополнительные деньги и небольшой парад лицемерия.

«...если у тебя есть домашние животные, практически невозможно снять меблированное жильё, приходится делать «презентации» от лица животного, чтобы убедить лендлорда» [Полевой материал авторов, интервью 17].

Несколько неожиданные проблемы обнаружились для новых жителей Арабских Эмиратов: в Дубае у кота могут начать мёрзнуть лапы.

«Кондиционер действительно стоит все время на одной и той же температуре. <...> Есть... Рутинa того, что в Дубае нету деревянных полов. <...> Поэтому это, ну, специфика для животных. Например, у меня вот кот абиссинский, он не любит, когда лапы мёрзнут, поэтому у нас на полу коврики всяко разные» [Полевой материал авторов, интервью 2].

Северная Европа порадовала неожиданной находкой — по-кальвинистски точной формулировкой объявлений на съём.

«Ну, а в объявлениях вот как это пишут? В объявлениях пишут, пишут, можно кота или можно собаку, можно одного кота, одного собаку, а нам нужно было объявление, где было бы написано, можно два кота. Это редкость» [Полевой материал авторов, интервью 22].

Впрочем, и без подобных формулировок бюрократических сложностей хватало. Все собеседники сошлись во мнении, что подготовка к перевозу животного — это отдельный квест, часто более сложный и стрессовый, чем сам переезд. При этом требования и их соблюдение сильно различаются.

«Турция считается... „красной страной“ по бешенству. Нужно было иметь титры на бешенство. ... Этой бумаге нужно настояться три месяца, и нужно приходить в специальные организации... А там никто не разговаривает, скорее всего, даже по-английски» [Полевой материал авторов, интервью 14].

Существует, как и везде, некоторая халатность:

«...[при въезде в Грузию] всем таможенникам было просто наплевать на всех домашних животных, никаких специальных документов никто не требовал, хотя они были» [Полевой материал авторов, интервью 20].

И, конечно, финансовые сложности. Перевозить животное — приключение, затратное на каждом отрезке пути, от изготовления титров:

«...на один хвост... это выходило 20 тысяч рублей. <...> То есть мне нужно было с двумя моими хвостами отдать 40 тысяч, чтобы получить вот этот [анализ]» [Полевой материал авторов, интервью 11].

...до уплаты налогов и пошлин.

«...когда мы приедем в Польшу, нам нужно заплатить х2 суммы за аренду квартиры, потому что тут есть кауция... и отдельный залог за кота...» [Полевой материал авторов, интервью 21].

Не обошлось без некоторой мифологии о европейской ветеринарии. Мнения о качестве ветеринарной помощи в новых странах разделились, но страх перед ней — общий лейтмотив. Часто респонденты продолжали консультироваться с российскими врачами, которым доверяли больше.

Были примеры как негативного опыта:

«...ветеринария в Эстонии гораздо слабее. Например, кошачьих кардиологов на всю Эстонию два... адекватного УЗИ нет... они говорят: „сори, медицина бессильна, можем предложить только эвтаназию“» [Полевой материал авторов, интервью 4].

так и относительно позитивного:

«...он говорит по-английски, он, оказывается, ещё и по-русски понимает, то есть он болгарин... Это было очень приятно... он так все очень, всё нам хорошо объяснял. Очень хороший, френдли... врач» [Полевой материал авторов, интервью 25].

Несмотря на то, что питомцы в среднем не способствуют интеграции в принимающее сообщество, они часто выступают в роли социального клея, создавая темы для разговоров и доверия в эмигрантской среде, особенно в чатах.

«...кот подружил нас с соседями... у нас была ещё одна семья релакантов рядом, у которых была собака... И кот с собакой подружился... Мы с соседями стояли... немножко общались, и в итоге мы подружились» [Полевой материал авторов, интервью 27].

«...когда ты часто видишь одну и ту же иконку с человеком или его кошку, у тебя как-то подсознательно к нему больше доверия... „О, благодаря тебе я знаю, что Арарат было видно тогда-то“» [Полевой материал авторов, интервью 15].

Впрочем, некоторые сценарии интеграции питомец всё же способен создать.

«Я больше того скажу, так сказать, она и делам сердечным весьма помогает. Какой интересный мужчина, какая красивая у него собака. Половина моих местных визави требовала, чтобы я на свидание пришёл с Лорой» [Полевой материал авторов, интервью 1].

О котах и людях: выводы

Разделим эту часть надвое. Для начала подведём итоги по сущностной части исследования, а после пройдемся по неудачам нашей методологии.

Сущностная рефлексия

Невозможность отказа от питомца как моральный императив. Для абсолютного большинства респондентов мысль о том, чтобы бросить животное в России, была не просто неприемлемой — она воспринималась как акт предательства, сравнимый с отказом от члена семьи. Это не было рациональным решением, а являлось этическим выбором, который не ставился под сомнение.

Питомец как психологический якорь. В условиях миграционного стресса и неопределённости животное выполняло ключевую терапевтическую функцию. Оно давало ощущение дома, стабильности и безусловной любви, что было критически важно для сохранения психологического равновесия, особенно в первый, самый сложный период адаптации. Питомцы часто описываются как замена, которую неолиберальный капитализм предлагает вместо детей — при релокации животное, как менее агентное, не нуждающееся в адаптации к новому обществу, также доставляет меньше проблем, чем реальный ребёнок, и, тем самым, более пригодно для роли «антидепрессанта».

Бюрократический (не)хаос. Вопреки изначальным ожиданиям, процедура перевозки животных не оказалась зоной правового нигилизма или системных поломок. Релоканты в целом исправно следовали формальным правилам (чипирование, прививки, титры), и бюрократическая машина работала предсказуемо. Сложности носили скорее технический или бытовой характер, а не институциональный — возможно, это косвенно подтверждает гипотезу о высокой ценности формальных законодательных процедур для релокантов.

Видовая дискриминация на рынке арендного жилья. Отношение к питомцам при поиске жилья сильно варьируется в зависимости от страны и вида животного. В Сербии и Армении собаки являются «привилегированным» видом, а кошки воспринимаются как нежелательные квартиранты. В Германии и Великобритании ситуация обратная или более сложная, но в любом случае наличие питомца сужает выбор жилья и увеличивает его стоимость.

Отсутствие прямой связи между питомцем и социальной интеграцией. Гипотеза о том, что животное помогает или мешает интеграции, не подтвердилась. Релоканты, как правило, не стремятся к глубокой социальной интеграции в принимающем обществе, предпочитая общаться внутри русскоязычных диаспор. Питомцы здесь выступают скорее как социальный клей внутри этих диаспор (тема для разговоров, повод для знакомств в чатах), но не как мост в местное сообщество.

Мифология ветеринарии. Страх перед европейской ветеринарией является распространённым нарративом, но реальный опыт сильно зависит от страны и конкретной клиники. Повсеместно встречается нарратив о высоком качестве российской ветеринарии, существуют практики дистанционной консультации с ветеринарами на родине.

Методологическая рефлексия

Иная плоскость исследовательского вопроса. Наш изначальный фокус на бюрократических сбоях и серых схемах загнал нас в ловушку и привёл к изучению отношений человека и права, а не человека и животного.

Игнорирование агентности питомца. В рамках исследования питомец практически не рассматривался как самостоятельный актор. Это лишило исследование антрозоологической глубины и превратило его в сбор житейских историй о логистике: включение питомца в анализ требует иного метода, чем интервью с владельцем, который представляется невозможным в условиях исследования «онлайн».

Ловушка выборки. Среди наших информантов чудовищно недопредставлены люди, отказавшиеся от переезда из-за животного или отказавшиеся от животного из-за переезда, хотя такие, очевидно, есть: это также поработало на создание образа гладкого линейного процесса.

Вес надвигающейся конференции. Желание представить на конгрессе «сенсационную» тему привело к тому, что мы действовали в спешке и не до конца отрефлексовали дизайн исследования. Инфраструктура академических мероприятий предопределила ожидания, которые не совпали с полевой реальностью.

Наше исследование — один из тех случаев, когда сенсация не случилась, но мы в процессе стали чуточку мудрее и получили новые поводы для самоанализа. Мы смеем надеяться, что наш провал, подробно описанный в этом скромном тексте, послужит поводом для размышлений не только для нас, но и для тех, кто уделит ему несколько минут своего времени.

Литература

1. Евангелие от Луки.
2. Кошки, собаки и все-все-все! Аналитический центр ВЦИОМ, 2025. [Электронный ресурс] <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koshki-sobaki-i-vse-vse-vse>> [Дата обращения] 02.03.2026.
3. Панеях, Э.Л. Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М.: Статут, 2014.
4. Gherghel, A. Brief overview of Anthrozoology. 2023. P. 1–23. [Электронный ресурс] <https://www.researchgate.net/publication/372288211_BRIEF_OVERVIEW_OF_ANTHROZOLOGY> [Дата обращения] 21.06.2026.
5. Jerolmack, C. Toward a sociology of nature // The Sociological Quarterly. 2012. Vol. 53. No. 4. P. 501–505.
6. Latour, B. Where Are the Missing Masses? The Sociology of Mundane Artifacts. // Technology and society. 1992. P. 225–258.
7. Melkumyan, Y.G., Melkonyan, N.A. The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society // Мир России. Социология. Этнология. 2025. Т. 34. №. 1. С. 130–143.
8. Merton, R. K. Bureaucratic Structure and Personality // Merton, R. K. Social Theory and Social Structure. New York: Free press, 1957. P. 195–206.
9. Park, R. Sociology // Wilson Gee, ed. Research in the Social Sciences. New York: The Macmillan Company, 1929.

Sofya Lopatko, Petr Ivanov

Research 404: What Have We Learned About Ourselves, Science, and Anthrozoological Methodology by Studying Relocants

Sofya Lopatko, National Research Tomsk State University, Faculty of Historical and Political Sciences, Department of Anthropology and Ethnology, 4th year bachelor student. **Address:** Tomsk, 36 Lenin Ave. **E-mail:** danawourd@gmail.com. **ORCID:** 0009-0001-9542-285X.

Petr Ivanov, RANEPa, Faculty of Design and Media Communications, Department of Territorial Development named after V.L. Glazychev, Senior Lecturer. **Address:** Moscow, 82 Vernadskogo Ave. **E-mail:** petrivadimovichivanov@gmail.com. **ORCID:** 0009-0005-8581-7072.

Abstract: This article presents a reflexive account of an exploratory anthrozoological study on the relocation of Russians with pets after February 2022. The authors question not only the empirical findings but also the very possibility of conducting such research within the stated framework. Based on 26 biographical interviews with relocants who moved primarily to Serbia, Germany, Armenia, and other countries, the authors arrive at an unexpected conclusion: contrary to initial expectations, the procedure for transporting animals does not reveal systemic bureaucratic failures, and pets do not play a significant role in the social integration of migrants, since most relocants do not seek integration into the host society, preferring to remain within the Russian-speaking diaspora. The bulk of empirical observations amounts to anecdotal cases — from species-based discrimination in the rental housing market to fears about European veterinary care. In two reflexive essays, the authors analyse the reasons for the methodological failure: an erroneous focus on human-bureaucracy relations instead of human-animal relations, the neglect of pet agency, sampling bias (the absence of interviews with those who left their animals behind in Russia), and the influence of academic infrastructures that push researchers toward seeking sensational results. Ultimately, the article transforms from a research report into a self-analysis of the limits of anthrozoological methodology and a critique of conference culture that predetermines research expectations. The authors conclude that the absence of a «sensation» itself becomes a meaningful outcome, prompting a reconsideration of research heuristics.

Keywords: anthrozoology, relocation, companion animals, methodology, social integration, reflexivity

For citation: Lopatko, S., Ivanov, P. (2026) Research 404: What Have We Learned About Ourselves, Science, and Anthrozoological Methodology by Studying Relocants. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 115–133.

References

1. Gherghel, A. (2023) *Brief overview of Anthrozoology*. P. 1–3. [Online] <https://www.researchgate.net/publication/372288211_BRIEF_OVERVIEW_OF_ANTHROZOOLOGY> [Accessed] 21.06.2026.
2. Jerolmack, C. (2012) Toward a sociology of nature. *The Sociological Quarterly*. Vol. 53. No. 4. P. 501–505.
3. *Koshki, sobaki i vse-vse-vse* [Cats, dogs, and everything else]! (2025) VTsIOM Analytical Center. [Online] <<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/koshki-sobaki-i-vse-vse-vse>> [Accessed] 02.03.2026. (In Russ.)
4. Latour, B. (1992) *Where Are the Missing Masses? The Sociology of Mundane Artifacts*. Technology and society. P. 225–258.
5. Luke.
6. Melkumyan, Y. G., Melkonyan, N. A. (2025) The Integration of Russian Immigrants in Armenia: the Impact of Relocation on the Host Society. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 34. No. 1. P. 130–143.
7. Merton, R. K. (1957) Bureaucratic Structure and Personality. In: Merton, R. K. *Social Theory and Social Structure*. New York: Free press. P. 195–206.
8. Paneiakh, E. L. (2014) *Pravo i pravoprimerenie v zerkale social'nyh nauk: hrestomatiya sovremennyh tekstov* [Law and Law Enforcement in the Mirror of Social Sciences: A Anthology of Contemporary Texts]. M.: Statut. (In Russ.)
9. Park R., (1929) Sociology. In: Wilson Gee, ed. *Research in the Social Sciences*. New York: The Macmillan Company.